

РАССКАЗЫ

Тройная Радуга

Отрывок

...Тот день был хмурым. Солнце спряталось за облака. Я вышла на косогор над озером и увидела, что слева, от Хаброва, неспешно плывёт над озером косматый сгусток чёрных туч. А справа, над Долматихой, такая же чёрная масса стоит без движения. Вдруг там, в далёкой вышине, кто-то всемогущий скомандовал ветру, и он споро погнал левые тучи направо. Они рванулись и скоро слились с правой чернотой. Из-под туч сверкнула молния, одинокая, без ветвей — как злобный взгляд, как быстрый зырк исполина. Миг — и ещё, ещё молнии, но уже ветвистые, с распластанными в небе нитями. Ну, сейчас громыхнёт! И громыхнуло! Один за другим мощные раскаты стали как бы прелюдией к могучей музыке воды — с неба шумно низверглись потоки. Озеро вспучилось, принимая в себя эту лавину, и к берегу высокой стеной пошли волны. «Только бы людей не было на воде», — подумала я и тут же увидела, как со стороны Долматихи, далеко от берега в волнах барахтается лодка. Я ужаснулась и огляделась: на берегу людей не было. А лодка, то поднимаясь на гребнях, то падая в провалы волн, направилась к Городцу. Разглядела я в ней и двух гребцов. Страшно мне стало за них. С надеждой ждала я приближения судёнышка. И вот, наконец, лодка быстро подплыла к берегу и бойко вылетела на песчаный плёс. Я узнала смельчаков. Первым выбрался Саша, в болотных сапогах и сером плаще, держа связку крупных рыб в правой руке. За ним ловко шагнул из лодки Рольф в выдавшей виды рыбацкой брезентовой робе с капюшоном. В левой руке его было цилиндрическое ведро с рыбой помельче. А на лице разлилось блаженство, большие зелёные глаза сияли.

— С прибытием и уловом! — приветствовала их я. — Но, Саша, это же безумство в такую погоду!

— Да вот попали в переделку, неловко перед гостем. Но он молоток, крепкий мужик, не сдрейфил.

— Молоток, — чётко и возбуждённо повторил Рольф.

— Ну, всё обошлось, — выдохнула я и успокоилась. А напрасно.

Краем глаза я увидела, что по берегу слева, от разрушенной пристани, к нам ковыляет Андреич.

— Посмотрите, идёт, — слегка кивнула я Саше.

Мы растерялись. Уйти было нельзя — Рольф не понял бы манёвра. Между тем Андреич приближался.

— Хутен морхен, — сухо произнёс он, хотя было уж за полдень.

— Драсти Вам, — с готовностью отозвался Рольф. А Саша весь внутренне напрягся, словно готовясь к отпору.

И Андреич:

— А хрена ли ты, мужик недоделанный, в эдакую непогодь по озеру шастаешь? Ндрава его не знаешь? Тут недолга и лодку, и гостя утопить. Эх ты, певун! — И, бросив взгляд на улов, вещал:

— Это что? Рыба? Нет, это ня рыба! Местов не знаешь. Вот завтрава червей накопаю, а позавтрава, в четверг, значится, я тебе с фаш...с немцем места покажу. Там, за Островом. Мне сам Фёдоров, большой человек, доктор глазной, указал. Может, знаешь? Его потом завистники в самолёте взорвали. Так вот он мне место обозначил, когда я ему домик-то на берегу обшивал. Да, домик тот стоит. А человека-то нет, спроводили на тот свет подлюги. Вона как! Дык там вот рыба так рыба! — сказал и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь.

А в четверг вечером, после той обещанной рыбалки на Фёдоровском заветном месте, Андреич уже сидел с Рольфом и Сашей на крыльце дома. Пили. Пить, видно, все трое были здоровы. Потом я увидела, как Андреич вышел из калитки, пошёл по тропинке мимо моей избушки и скоро вернулся. С баяном. Давно люди не видели его «с музыкой». Снова пили, что-то лопотали, и далеко была слышна русская и немецкая речь. Но вот заиграл баян, сначала сипло, неотчётливо. Потом ровнее, тягуче и, наконец, умело, разливанно. И я узнала удалую «Коробушку». Андреич ведёт мелодию лихо, самозабвенно. Саша поёт размашисто: «Эх, полным - полна моя коробушка!», Рольф упоённо слушает, я видела его лицо со своего крыльца. — Есть в ней ситец и парча! Иех! — неожиданно громко рявкнул баянист... Допели. Старательно играет Андреич. «Среди долины ровные», — задумчиво, широко начал Саша. И Рольф пытается повторить последние слова в строке. «Ровная», — слышен зычный голос Рольфа.

— Висота, — говорит гость. «Стоит, растёт высокий дуб». — «Дуб», — чётко произносит Рольф. И это допели.

Вот Саша затянул: «Ревела буря, гром гремел». Замолчал и призадумался немец, а Андреич, перебирая лады, вдруг взревел, как голодный медведь: «Беспрерывно хром хремеел и вихря в дубах бушевали. Иех!»

А потом ещё и ещё пели! И Рая, моя соседка справа, старая крестьянка, приметная личность, из тех, что работает всю жизнь за двоих, а лишних слов не говорит, тоже вышла на крыльцо, постояла, послушала. «Ладно Андреич гуляет, — сказала она, — давно на баяне не играл. Пусть утешится, бедолага. Глядишь, эдак под песни и подружится с немцем-то. Прожитое не забыть, но нонче и они ить тоже люди».

Замечательный получился концерт, и до глубокой ночи, с ярким ковшом Большой медведицы над Пухорками, в деревне звучала музыка.

В субботу топили бани. Вечер стоял такой духмяный, ясный — уходящее солнце левитановским светом позолотило дальние дома, деревья и озёрную гладь. И хотя я уже напарилась в Раиной бане, своей-то у меня не срублено, в дом забираться не хотелось. Я присела на ступеньку крыльца. Внезапно до меня донеслись мужские голоса. Прислушалась: видно, снизу, от озера, на наш косогор по узкой росной тропке поднимались люди. Кто-то протяжно запел. Сначала я не разобрала слов, но вот отчётливо услышала знакомое: «Иех!». Ошибиться было невозможно — Андреич!

Тут к его голосу добавился другой. «Виходила берегам Катюша! На висока берегам крутой», — старательно выводил Рольф. Поющие приближались. И вот уже они появились из-за моего забора: высокий, статный немец в синей элегантной ветровке и Андреич в телогрейке и выдавшем виды треухе. Идут чинно. Рольф, чуть наклонясь, в обнимку важно ведёт в дым пьяного спутника. И оба голоса самозабвенно: «Виходила, песня заводила — иех!»

Я поперхнулась от хохота. «С лёгким паром!» — сквозь смех приветствую их. Андреич увидел меня, и вдруг в глазах его полыхнула злоба. «С чего бы это? — не на шутку всполошилась я. — Ну, если заговорит, всех святых выноси. Хоть бы прошёл!». Не прошёл. Остановился. Замер. Сейчас откроет рот и...

— Слышь, Галька, — грубо выкрикнул он. — Его отец меня убивал!

«Господи, началось!» — в ужасе отшатнулась я.

— А мы с им рыбачим, песни вместих поём, водку жрём до утети! Вместих в бане берёзой паримся! Понял!? Она как! Теперь я уразумел, жисть всё показала. Так, значит, ладно, дружно промеж людей всё и бывает, кады не встречают эти суки!

— Кто не встречает?!

— Ну, гады не встречают, не стравляют народов вожди! Она как!

2010 г.

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ

Памяти великого певца

(Сергей Лемешев)

Отрывок

Приметный дом на Тверской, между Пушкинской площадью и Триумфальной, на фасаде несколько мемориальных досок. Наиболее интересная на левом углу с профилем Сергея Яковлевича Лемешева, кумира нескольких поколений зрителей, национальной гордости России. «Тембр голоса драгоценнейшего сплава, способность задевать самые сокровенные струны сердца, живописать голосом чудеснейшие картины, достигать вершины драматического напряжения... Всё это с тактом, с изысканной деликатностью, с постоянным чувством меры», — можно ли выразительнее, точнее обрисовать творческий облик прославленного певца, чем это сделал его сотоварищ по искусству, дирижёр Борис Эммануилович Хайкин? Когда бы ни шла я мимо этого дома, у мемориальной этой доски — всегда живые цветы. Раньше думала, что ещё приносят многочисленные поклонницы певца, но с некоторых пор знаю: чаще всего эти цветы

от Веры Николаевны Кудрявцевой-Лемешевой, когда-то счастливейшей супруги, вдохновительницы и музы артиста. Она живёт среди нас и достойно, деятельно несёт по земле память о великом певце. Я ещё застала её пение в концертных залах вместе с С.Я. Лемешевым и на оперной сцене Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Но то был взгляд из зрительного зала, а почему-то многие годы мне хотелось узнать её поближе, чтоб понять её секрет: в чём притягательная сила, почему сам Лемешев предпочел её всем жаждущим его внимания женщинам? И судьба пошла мне навстречу — я стала бывать у Веры Николаевны. И мне открылась пленительная повесть о любви и верности и редкая духовная красота этого человека.

Как не стоит земля без праведника, так не творит человек без любви. Это она даёт могучий взлёт фантазии и наполняет глубоким смыслом отпущенный судьбой талант артиста. И поистине правы французы — ищите женщину в деяниях мужчины, тем более в деяниях художника.

Сергей Яковлевич Лемешев был «божеством и вдохновением» великого множества любителей искусства, а его Ленский — поистине «певцом любви, певцом печали». Его голос, артистизм, человеческое обаяние привлекали к нему прекрасных женщин страны с их тайной надеждой на успех. И Москва полнилась слухами о романах артиста. Но всё было мимолётно, изменчиво и зыбко, видимо, душа героя, устремлённая в поиск, влеклась к чему-то несбыточному. Ждала своей музы. И муза явилась.

2002 г.

БЕСЕДЫ

«Окно в мир, где хочется жить»

(Художник Юрий Обуховский)

Отрывок

Уходящая зима отметилась бурными снегопадами: пурга, метель, ледяной дождь, что склонил деревья до земли. Казалось, морозам не будет исхода. А здесь, в одном из залов Центрального дома художника в Москве, словно погружаешься в тепло, светоносность приморского полдня, «купаешься» в потоках солнечного «ливня», вдыхаешь аромат глициний и роз.

Очарованный взгляд вбирает зелень морских волн, колыхание лёгких парусников с графикой мачт под дымчато-розовыми облаками — это полотно «Коктебельская бухта». Рядом картина «Терраса на берегу моря» манит уютом, оливковым колоритом интерьера, обрамлённого цветочным сводом. В глубине полотна нежатся в прозрачном воздухе терракотовые крыши домов, и вдалеке вырастают таинственные горы. И ещё радуется пейзаж «После дождя» — сочное многоцветие окропленного дождём южного сада, нанесённое пастозным мазком мастерской руки.

Выставка художника Юрия Обуховского — это окно в мир, где хочется жить.

- В искусстве, будь то поэтическое слово, музыка или краски, творцы идут двумя основными путями. Одни несут людям свой восторг перед красотой и гармонией мироздания, как бы отстраняясь от тягот земного бытия. Другие выявляют, порой гипертрофируют, тёмные стороны, надеясь таким образом отвратить людей от мерзостей жизни. Оба пути правомерны. Но всё же те, кто несут свет и добро, мне более западают в душу. Ваши полотна выявляют в Вас приверженца первого пути.

— Вы правы, в жизни много негатива, но моё намерение — ему противостоять. Я прославляю радость, гармонию и красоту и потому мне близки художники-оптимисты, воспевающие мир добра и света.

— Кто из живописцев Вам особенно созвучен?

— Пожалуй, сразу приходит на память имя Генриха Семирадского, польско-русского живописца. Помните его картины на античные темы? Гармония изумительно-прекрасных образов и живописное совершенство. И я стремлюсь к тому же, хочу, чтобы люди жили в гармоничном мире, свободном от зла.

Художник Иван Похитонов, русский живописец. Его тонкие, интимные пейзажи близки мне.

В них подкупает воздушность изображаемого, эмоциональность, тонкие отношения в колорите и настроении. Восхищает почти миниатюрная техника, редкое мастерство.

Но «мой» художник и Архип Куинджи, мастер панорамных композиций, романтик, создатель декоративно-звучных по колориту полотен. Он особенно прославился изображением до иллюзорности близких к натуре эффектов освещения.

— Ну а из европейцев? Гойя, например?

— Для меня его живопись слишком густо эмоциональна, создаёт нервное напряжение, хотя, конечно, великий мастер.

— А авангардисты? А Сальвадор Дали?

— Пусть себе экспериментируют, свобода творчества, поиски нового необходимы. Но всё это вне моих интересов. Моей душе они ничего не говорят. А Дали? Признаю его гениальность, но опять же — мою душу он не задевает.

— Понимаю, Ваши интересы на другом полюсе искусства. А как Вы отнесётесь к тому, что глядя на Вашу работу «После дождя», где сияет освежённый дождём сад и «правит бал» настоящее пиршество красок: красные, жёлтые, белые — кто-то назовёт Вас импрессионистом.

— Доля истины в этом есть. Некоторые задачи импрессионистов и я решаю: насыщенность цветом, работа на пленэре, светоносность. И я стремлюсь к передаче солнечного света, трепетности, свежести восприятия. Но в отличие от художников-импрессионистов я не гонюсь за изображением сиюминутности. Да ведь из них тоже не все этим озабочены.

— Мне близка Ваша живопись, она даёт душевный лад, отдохновение, наслаждение красотой. А как Вы определите свой художественный стиль?

— Полагаю, что я романтик, и искусство моё ближе всего к романтическому реализму. Стремлюсь в своих работах к романтизации жизни, приподнятости над обыденностью, но при естественной реалистической основе. Я пытаюсь найти и передать зрителю состояние душевной теплоты, спокойствия, созерцательности. Хочу, чтоб при взгляде на мои картины человек обрёл, хоть ненадолго, мир в душе.

2011 г.